

В. А. ГРИНГМУТ О САМОДЕРЖАВИИ, ПРАВОСЛАВИИ И НАРОДНОСТИ

А. С. Пшегорский

Воронежский государственный университет

Статья посвящена проблемам самодержавия, православия, народности в политической концепции В. А. Грингмута. Взгляды последнего на монархическую триаду рассматриваются на основе широкого комплекса статей, изданных в четырех выпусках "Политических статей" В. А. Грингмута. Делаются выводы о том, что некритическое восприятие самодержавия как идеальной системы власти приводит к идеализации самодержавия и других компонентов формулы Уварова. Подобная идеализация не позволяет Грингмуту адекватно оценивать тенденции развития страны, в итоге приводя к упрощенному восприятию последних.

Владимир Андреевич Грингмут — основатель и лидер русской монархической партии — по многим вопросам явился выразителем крайне правых взглядов черносотенного движения. Эти взгляды редактор "Московских Ведомостей" последовательно высказывал на протяжении всей своей публицистической деятельности. Однако следует признать, что наиболее целостный вид система политических воззрений Грингмута начинает приобретать во время первой русской революции. После опубликования высочайшего рескрипта от 16 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина¹ Грингмут вступает в жесткую полемику с представителями либерально-демократического лагеря по поводу статуса самодержавия и развития в России политических свобод. В процессе этой полемики он не только критикует положения и мысли представителей противоположного лагеря, но и выдвигает целый ряд своих "черносотенных" установок. Со временем они находят отклик и в других консервативных печатных органах, таких как "Гражданин" князя Мещерского, "Русский Листок". Это позволяет Грингмуту приступить к выработке уже программных положений, на основе которых стало бы возможно объединение правых сил перед лицом резкой активизации противников самодержавия и ввиду неизбежного созыва Думы в России.

Наличие представительного органа (будь то законодательная дума или дума с законосовещательными правами) в российском государстве неизбежно вызывало вопросы о судьбе самодержавия в России как института. Вполне логичным поэтому представляется ключевое место вопроса о самодержавии в политической концепции представителей

различных общественно-политических групп, в том числе монархистов. Для Грингмута самодержавие русских царей являлось не только неотъемлемой частью политического облика русского государства, но и главным фактором национально-культурной идентификации страны. Подобное отношение было явно обусловлено влиянием уваровской триады, объяснявшей уникальность России существованием в ней самодержавия и особого православного русского народа. В дальнейшем эта аура уникальности старательно поддерживалась и развивалась славянофилами. И, по мнению Грингмута, эта теория нашла свое полное применение в царствование Александра III, доказавшего ее истинность: "Он учил нас любить Русский народ и дорожить его незаменимыми государственными качествами: его смиренною верой в Бога, его безусловною преданностью Царю, его трезвым государственным чутьем, благодаря которому создалась вся идеальная и реальная мощь Империи Всероссийской, собравшей под державой Русскаго Царя многия племена, проникающиеся основною жидительною идеей Русскаго народа"². По-видимому, не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что Грингмут, будучи сыном иностранца, приехавшего в Россию и осевшего здесь, принял православие в несколько мистической обстановке в уже зрелом возрасте. Как вспоминал московский протоиерей о. Иоанн Соловьев, духовник Грингмута, передававший рассказ самого Грингмута: "В половине 1878 молодые супруги были в городе за разными покупками и на возвратном пути, по желанию Любови Дмитриевны, зашли в часовню Иверской иконы Божией Матери. Любовь Дмитриевна горячо молилась во время совершения молебна. "Как стрелой кольнуло совесть мою помимо воли моей

© Пшегорский А. С., 2006

¹ Грингмут В.А. Первый шаг. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3 т. М.: 1908. С. 149.

² Грингмут В.А. Великий учитель России. // Собрание статей В.А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 89.

возникшее и всколыхнувшее все мысли и чувства мои сознание того, что я протестант и, как протестант, даже, так сказать, права не имею молиться так, как молится она; ... Приняв все это — и случай в часовне, и совпадение сновидений — за указание Свыше, я тут же, без всяких колебаний, решил волновавший меня вопрос и, спустя две или три недели, я присоединен был к православной церкви чрез таинство миропомазания...³. Подобная ситуация несомненно способствовала развитию у него феномена “еще большей русскости”, чем сами русские. Показательными в этом смысле можно признать многочисленные примеры риторики вождя монархической партии, проходящие красной нитью через всю его публицистику. Так, например, российский император чаще всего фигурирует в статьях редактора “Московских Ведомостей” как Помазанник Божий⁴ и Царь-Батюшка⁵. Конечно, это выразилось в еще более гротескном виде при обсуждении национального вопроса. Так, граф А. Уваров в докладе комиссии по изменению земского положения следующим образом отозвался о влиянии евреев: “Для Саратовской губернии не существует никаких особо важных причин настаивать на исключении евреев из земской жизни”⁶. Грингмут отзывается на это почти политическим памфлетом: “Для нашего селения не существует никаких особо важных причин настаивать на удалении змеек из его пределов”⁷. Здесь важно не столько стремление Грингмута оперировать образными структурами, сколько нацеленность его риторики в описании злободневных вопросов к стилизованным оборотам совершенно определенного русского содержания. История России знает немало таких примеров, когда приехавшие сюда иностранцы, обрусев, становились ревностными поборниками русской государственной идеи вообще и таких специфических ее проявлений, как единство самодержавия и патриархально-православного народа в частности.

Грингмут, в частности, вступив в полемику с князем Мещерским (которого вряд ли можно заподозрить в симпатии к каким-либо либеральным воззрениям), резко отрицательно прокомментировал взгляды последнего на прекращение войны с

Японией сразу после Мукдена⁸. Небезынтересен и тот факт, что, понимавший целесообразность и всячески стремившийся воплотить в реальность объединение монархистов в рамках всей страны, Грингмут на первых порах довольно критично отнесся к такому правовому образованию, как Союз Русских Людей, поставив им в вину буквально следующее: “Союз Русских людей интересуется исключительно, как и наши “либералы”, одним лишь Высочайшим Рескриптом 18 февраля и толкует его почти так же, как наши “либералы”⁹. Между тем, на наш взгляд, В.А. Грингмут весьма верно отметил разницу между царским манифестом, именным указом правительствующему сенату и высочайшим рескриптом на имя министра внутренних дел, вышедших в один день — 18 февраля 1905 г. Указ сенату предусматривал рассмотрение последним различного рода предположений, касающихся “усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния”¹⁰ и в этом смысле был не более чем очередным примером попыток власти провести косметические мероприятия по улучшению ситуации. Что касается манифеста и рескрипта, то понимание обществом этих актов, по мнению Грингмута, позволяет четко разделить это общество на сторонников монархии и представителей либерально-демократического лагеря. Манифест не оставлял никакого сомнения в своей направленности, среди прочего утверждая о “взвешенном укреплении истинного Самодержавия”¹¹, а также призывая к “усугублению бдительности по охране закона, порядка и безопасности, в строгом сознании нравственной и служебной ответственности перед Престолом и Отечеством”¹². Рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина возвещал о намерении “привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений”¹³.

Как видно, действительно манифест и рескрипт могли восприниматься обществом почти как взаимоисключающие акты. Как свидетельствует содер-

³ Цит. по: Степанов А. Грингмут В. А. // Энциклопедия русского консерватизма. М.: С. 199—202.

⁴ Грингмут В.А. История народовластия. М.: 1908. С. 57.

⁵ Грингмут В.А. Руководство черносотенца-монархиста. М.: 1911. С. 6.

⁶ Мысли монархистов. К еврейскому вопросу. Саратов, 1907. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Степанов С. Черная сотня. М.: 2005. С. 61.

⁹ Грингмут В.А. Монархическая партия. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 176.

¹⁰ Грингмут В.А. Три акта. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 154.

¹¹ Грингмут В.А. Царское слово. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 147.

¹² Грингмут В.А. Царское слово. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 148.

¹³ Грингмут В.А. Первый шаг. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 149.

жание статей, вышедших после опубликования этих актов, они действительно так воспринимались. Например, Грингмут с горечью замечает по поводу высочайшего манифеста: “Вот этого-то именно наши конституционные крамольники, именующие себя “либералами”, и знать не хотят. Они знать не хотят Царской Воли, выраженной в Высочайшем Манифесте; они составили заговор молчания против сего Манифеста, и во всех своих речах, статьях и адресах говорят исключительно только об Указе и Рескрипте, делая вид, будто Манифеста совсем не существует!”¹⁴ Такая избирательность восприятия характерна для поляризации общественного мнения. Показательно в этом отношении то, что сам Грингмут стремился во что бы то ни стало увязать эти три акта и рассматривал указ и рескрипт исключительно “на общем фоне Манифеста 18 февраля”¹⁵. Соответственно либералам больше импонировал рескрипт 18 февраля. Такое выборочное восприятие впоследствии коснулось и содержания рескрипта, в котором редактор “Московских Ведомостей” увидел, прежде всего “достоинейших” людей и “предварительную разработку”, а противники монархистов — “избранных от населения людей” и “обсуждение законодательных предположений”.

Будучи монархистом и консерватором Грингмут не признавал каких-либо изменений существующего режима. Так, он еще в 1896 г. доказывал, что в России не должно быть политических партий, так как на западе последние вызваны конституционным строем государств, а “у нас, при Самодержавии Русского Царя, ничего подобного быть не должно: судьбой России управляют не отдельные партийные министерства или кабинеты, чередующиеся у государственного кормила, а единая воля Самодержавного Государя, внемлющего, при окончательных Своих решениях, лишь голосу Своей совести и отвечающего за эти решения лишь перед Господом Богом”¹⁶. Как мы видим, подобные высказывания пришлись на то время, когда Россия уже пережила реформаторский период 60-х, диктатуру М. Т. Лорис-Меликова, консервативный период при графе Д. А. Толстом. В дальнейшем при Николае II “чередование у государственного кормила” таких деятелей, как С. Ю. Витте, В. К. Плеве, П. А. Столыпин, несомненно влиявших на складывание

внутренней политики Российской империи, показывает некоторую “утопичность” приведенной выше мысли будущего лидера Монархической партии. Сам же Грингмут уже в 1904 г. сравнивал начало деятельности В. К. Плеве на посту министра внутренних дел с началом канцлерства Бисмарка: “Мы утверждаем, что Бисмарк в начале 1866 года еще немногим превосходил Плеве 1904 года”¹⁷. В следующем году о С. Ю. Витте редактор “Московских Ведомостей” писал, что “граф С. Ю. Витте назначен председателем Совета Министров, и ему поручено составление объединенного министерского Кабинета по собственному его выбору”¹⁸. Речь в данном случае не идет о партийной принадлежности упомянутых государственных деятелей, но самый факт их влияния в определенный период на волю Государя, “внемлющего лишь голосу своей совести”, отрицать не приходится. Вместе с тем “партийность” министров можно было легко идентифицировать по симпатиям их по отношению к тем или иным организациям и наоборот. Не секрет, что В. К. Плеве являлся членом Русского Соборания¹⁹ и в этом смысле был столпом русской монархии для правых; Витте, конечно, ассоциировался с попыткой взаимодействия с умеренными представителями либерально-конституционного лагеря, а Столыпин опирался на поддержку октябристов. Отчасти понимал это и В. А. Грингмут, называя Витте истинным “диктатором”²⁰, но продолжая при этом отстаивать идею самодержавца, правящего по совести.

Вообще для лидера Монархической партии, как и для многих правых деятелей того времени, характерна высокая степень идеализации самодержавия, граничащая с культом личности конкретного самодержавца. Институт самодержавия рассматривался им как некая идеальная система, испытанная временем и предназначенная историей “специально” для русского народа, соответственно, лучше всех подходящего для самодержавия. Вся мировая история для редактора “Московских ведомостей” являлась не более чем своеобразной апробацией политических режимов, среди которых им выделялось развитие монархии. Само это развитие, как считает В. А. Грингмут, было серией

¹⁷ Грингмут В.А. За что убили Плеве? // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 83.

¹⁸ Грингмут В.А. Диктатура графа Витте. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 282.

¹⁹ Симонова М.С. Вячеслав Константинович Плеве // Российские консерваторы. М.: 1997. С. 287—323.

²⁰ Грингмут В.А. Диктатура графа Витте. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 282.

¹⁴ Грингмут В.А. Три акта. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 155.

¹⁵ Грингмут В.А. Три акта. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 3. М.: 1908. С. 154.

¹⁶ Грингмут В.А. Есть ли в России партии? // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 11.

более или менее неудачных попыток в других странах построить нечто похожее на возникшее впоследствии самодержавие русских царей. Характерно, что из современных ему монархов Грингмут признавал только германского кайзера как наиболее близкого по сути своей власти русскому самодержцу: “Если бы мы стали искать в Западной Европе венценосного государя, который всего более приближался бы к идеалу самодержавного монарха, то мы невольно остановились бы на императоре Вильгельме II”²¹.

Каковы же критерии идеальности монарха, то есть приближенности последнего к личности русского самодержца? Среди этих критериев для Грингмута как монархиста имеют ключевое значение религиозность, патриотизм, граничащий с долгом защиты монархических принципов. В отношении немецкого императора Грингмут замечает следующее: “В наш век туманных и противоречивых идеалов и болезненно-атрофированных характеров цельная, яркая личность Вильгельма II приобретает почти героический оттенок и вызывает к себе сочувствие и уважение. Вот человек, который знает, чего хочет, который открыто стремится к своей цели и открыто высказывает свои убеждения. От него веет чем-то средневековым, рыцарским, какою-то благородною энергией. Религия и патриотизм для него не пустые звуки: он искренно считает своим священным долгом стоять на их страже против того страшного зла (социализм — *А.П.*), которым так страдает соседняя нам Германия”²².

Эти принципы понимаются Грингмутом не как абстрактные понятия, конкретизирующиеся в рамках каждой отдельной страны, а скорее как тот “священный” средневековый опыт, выработанный монархической традицией на протяжении развития монархических укладов во всех странах Европы. Эта “соль земли” монархизма особенно четко кристаллизуется в условиях России и приводит к возникновению самодержавия, ставшего для вождя Монархической партии идеальной монархической властью. Идеальным представителем этой власти в России для редактора “Московских ведомостей” является Александр III, причем фигура последнего как бы выхватывается Грингмутом из контекста развития страны и представляется некой “точкой над и” для русского самодержавия. Иными словами, самодержавие до “Царя-Учителя”, как его на-

зывает Грингмут, представляло собой лишь путь к этому идеалу, не лишенный ошибок и апробаций. Самодержавие же после Александра III должно во всем следовать примеру великого учителя.

Здесь следует отметить два принципиальных минуса в концепции Грингмута: во-первых, если путь самодержавия к монументальной фигуре Александра III был сложным процессом развития власти, неотделимым от развития всей страны, то дальнейшее развитие страны, которое в контексте мировой истории отрицать не приходится, рано или поздно вступит в диссонанс с попытками Грингмута и прочих монархистов “заморозить” самодержавную структуру власти предпоследнего русского царя. Только претерпевая изменения в виде смены парадигм правления различных русских царей, самодержавие пришло к консервативной концепции Александра III. Соответственно, только отвечая вызовам времени, но сохраняя свое идеологическое ядро, самодержавная форма правления могла продолжать свое развитие в унисон с развитием страны как субъекта мировой истории, отгородиться от которой, “заморозив” Россию, как показали дальнейшие события начала века, рассчитывать не приходилось.

Во-вторых, для Грингмута личность русского самодержца представлялась в каком-то благородном, средневековом ореоле монархической государственности, как ни странно лишавшей конкретного монарха личностных характеристик. Речь идет о своеобразной буквализации понимания богоизбранности царя, его священного служения русскому народу и России. Этот священный долг замыкался Грингмутом на понятии монархической государственности, и понимание его каждым отдельным самодержцем сводилось редактором “Московских ведомостей” к пониманию Александра III. Такой подход исключал восприятие индивидуальности на престоле и отражал не более чем своеобразие личности конкретного монарха. Противоречие заключается в том, что сам Александр III именно благодаря своей личности стал ассоциироваться с “царем-учителем”, а величие Государя в России всегда определялось его личностными качествами.

Таким образом, В. А. Грингмут, идеализируя самодержавие Александра III, недостаточно учитывал вектор и условия развития России, рассматривая в отдельности развитие монархии и страны. Само же самодержавие представлялось ему надличностным институтом, что приводило к недооценке личности отдельного монарха в одних

²¹ Грингмут В.А. Вильгельм II. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 67.

²² Грингмут В.А. Вильгельм II. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 67.

случаях и к переоценке (идеализации) в других, когда деятельность монарха вписывалась в созданные Грингмутом критерии русского самодержавия. Идеализация консервативного правления Александра III привела к определенной схематизации русского самодержавия в представлении лидера Монархической партии, что только усугубляло резко тенденциозный подход последнего в рассмотрении каждого конкретного самодержавия и приводило к практически одностороннему восприятию развития самодержавия при Николае II. Примечательно, что эта идеализация сказалась даже в отношении создаваемой Грингмутом Монархической партии, «мечтающей заслужить многозначительное наименование партии Александра III»²³.

Дальнейшие рассуждения приводят редактора «Московских ведомостей» к построению, как представляется, неизбежных умозаключений. Идеализация самодержавия в соответствии с триединой схемой «православие, самодержавие, народность» плавно переходит к идеализации двух других компонентов этого построения.

Православие, конечно, для крестившегося в зрелом возрасте и под влиянием мистически-религиозного настроения Грингмута стало своеобразной точкой опоры, с высоты которого через призму религиозности он впоследствии рассматривал большинство вопросов. Вступив таким образом в новую веру, В. А. Грингмут с истовостью новообращенного стал придерживаться православного взгляда на многие события того времени. Так, например, сообщая о приезде царской четы в Москву, Грингмут пишет с истинно православным восторгом: «Какое блаженство детям молиться вместе со своими родителями, какое блаженство народу Русскому сливаться в молитвенном единении со своим Царем и Царицею, на которых он иначе и не смотрит, как на своих духовных Родителей, величая их, с доступною только русскому сердцу патриархальною простотой, — своим Царем-Батюшкой и Царицей-Матушкой»²⁴. Самой православной вере и религиозным проблемам посвящено немало статей в обширном наследии преемника М. Н. Каткова²⁵.

²³ Грингмут В.А. Наша партия. М.: 1896. С. 5.

²⁴ Грингмут В.А. Исполнившаяся надежда. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 2. М.: 1908. С. 183.

²⁵ См. напр.: Грингмут В.А. Чему учит нас чудо 8 марта. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 131; Грингмут В.А. Противощерковность и безщерковность. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 2. М.: 1908. С. 23; Грингмут В.А. Христианская любовь. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 2. М.: 1908. С. 188; Грингмут В.А. Преосвященный Никон. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 4. М.: 1908. С. 141.

Итак, переход в православие на волне религиозно-мистического вдохновения способствовал развитию у Грингмута обостренного религиозного восприятия, что, в свою очередь, привело к ортодоксальному пониманию теории графа Уварова. Такое понимание часто заставляло редактора «Московских ведомостей» оставаться «глухим» к веяниям времени, не принимая в расчет изменение конкретно-исторических условий и развитие страны вообще. Характерно, что подобная тенденция проявила себя достаточно ярко именно в вопросах веры. Когда в начале 1905 г. по инициативе С. Ю. Витте возник вопрос об автономии церкви и восстановлении патриаршества в России, Грингмут резко отрицательно отнесся к последнему, назвав соответствующую статью «Церковный переворот» и мотивируя свою позицию тем, что «простая замена Синода патриархом дала бы этому последнему незаконные права. Православные люди не могут предоставить патриарху тех преувеличенных прав, какими Синод, в силу своей неканоничности, облечен в отношении низших епископов и даже простых мирян в их приходской жизни»²⁶.

«Молитвенное единение» царя с народом также экстраполировало присущую Грингмуту идеализацию самодержавия на русский народ. Идеализация русских царей как богоизбранных представителей власти автоматически предполагала распространение ореола избранности и на подвластное им население. По мнению лидера Монархической партии, русский народ — народ, выбравший православие, хранитель традиций Византии, идеально подходил для взаимодействия с идеальной монархической властью — самодержавием²⁷. Однако идеализация русского народа также приводила к потере известной доли объективности, к стремлению рассматривать жизнь народа с «соборной» точки зрения без учета бурных изменений начала века.

Апологетика соборности, патриархальности русского населения нередко соседствует на страницах статей В. А. Грингмута с резкой критикой распространения революционного движения в народной среде. Так, например, редактор «Московских ведомостей» следующим образом передавал

²⁶ Грингмут В.А. Церковный переворот. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 4. М.: 1908. С. 9.

²⁷ См. напр.: Грингмут В.А. Три лучезарные недели // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 199; Грингмут В.А. Царь в народе. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 2. М.: 1908. С. 184; Грингмут В.А. Стремление народа к царю // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 4. М.: 1908. С. 335.

православные чувства царя и народной массы: “Среди торжественного, радостного благовеста Кремлевских колоколов неслись Москве, а за нею и всей России Царския слова пасхального привета: это Царь христосовался со всем Своим народом, посылая ему из священного Московскаго Кремля, из “Колыбели Самодержавия” — благоую христианскую весть: “Христос воскрес!” Воистину воскрес! Отвечает ему полною грудью, благоговейно осеняясь широким русским крестом, вся многомиллионная Русь Православная, до глубины сердца умиленная этим, давно неслыханным с Царскаго Престола, христианским благовествованием”²⁸. При этом Грингмутом явно недооцениваются те изменения в рабоче-крестьянской среде, наличие которых позволяло революционной пропаганде давать благодатные всходы. Характеризуя усиление революционного движения, лидер Монархической партии замечает, что “Русский Народ... ныне охвачен тяжкою заразой безверья и безначалия. А потому, если триста лет тому назад необходимо было спасти Царя, то теперь приходится спасать Народ, наш Русский Народ, наших братьев по вере и крови, одурманенных теми же врагами России, как и во времена Минина, поляками и неизменными спутниками их, евреями. Ведь известно, что евреи сидят на поляках как паразиты; вот почему поляки, войдя в состав Российской империи, заразили ее евреями, а те, в свою очередь, подкупом и соблазном помутили ум тем из наших братьев, которые ни силой воли, ни силой разума, ни образованием, ни опытом похвастаться не могли”²⁹. Нетрудно заметить, некоторое стремление к упрощению, свойственное Грингмуту в рассуждениях о русском народе. Последний предстает на страницах “Московских ведомостей” как некая ортодоксальная монолитная масса, в большинстве своем сохранившая черты “соборности”, характерной для XVII столетия, что, конечно, в полной мере не соответствовало реалиям XX в. Не обращает внимание Грингмут и на тот факт, что, несмотря на соборность и патриархальность народа, население страны в XVII в. нередко выражало свое недовольство властью посредством открытых выступлений, о чем свидетельствует само название “бунташного” века.

Не вдаваясь в подробности феномена русского бунта, следует отметить ту характерную особенность русского народа, которая не раз позволяла ему выступать с идеей “правого, правильного,

настоящего царя”. Применительно к данному исследованию важно подчеркнуть не столько наивный монархизм, присущий народным массам в XVII в., сколько то, что всякий раз народ становился творцом идеи настоящего-правильного царя, имея для этого совершенно определенные, свои критерии. Представляется, что и в начале XX в., сохраняя в определенной мере народный монархизм, народные массы могли стать генератором идеи своего, правильного порядка (по аналогии со своим, правильным, черным переделом); это, конечно, являлось достаточной почвой для революционных брожений, что и показало дальнейшее развитие событий. Соответственно рассмотрение Грингмутом связи между идеальной монархической властью — самодержавием и русским народом (как благодатной почвой для самодержавно-православного синтеза) происходит в отрыве от конкретно-исторических условий и в начале нового столетия носит скорее характер теоретической конструкции, нежели может претендовать на объективное отражение реальности.

Подобная апологетика самодержавия во главе православного народа свидетельствует о некритичном (применительно к своему времени), консервативном восприятии теории самодержавной народности, что вполне соответствует позиции Грингмута как крайне правого представителя монархического движения. Впоследствии это приводит к неизбежному стремлению повернуть вспять развитие страны, потере определенной доли объективности, упрощенному взгляду на разнообразные проблемы действительности, конфронтации с любыми попытками адаптировать самодержавие к изменяющимся условиям. Сталкиваясь же с проявлениями инициативы верхов приспособить существующий строй, лидер Монархической партии неизменно становился в оппозицию³⁰, тем самым подвергая испытаниям свою приверженность самодержавию, так как любые проекты, в конечном счете, санкционировались самодержавным монархом. Приверженность монархическим принципам заставляла В.А. Грингмута, как и многих черносотенцев, отчасти быть “правее царя”, что неоднозначным образом влияло на развитие черносотенного движения, оставляя “прорехи” в идеологических построениях монархистов того времени.

³⁰ См. напр.: Грингмут В.А. Возмутительный слух. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 4. М.: 1908. С. 48; Грингмут В.А. Самодержавие “для мужиков” // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 4. М.: 1908. С. 52; Грингмут В.А. Напрасное долготерпение // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 2. М.: 1908. С. 127.

²⁸ Грингмут В.А. Воистину воскрес! // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 1. М.: 1908. С. 189.

²⁹ Грингмут В.А. Спасайте народ. // Собрание статей В. А. Грингмута. В. 4. М.: 1908. С. 342.